
Часть первая

1

— Нинди матур!.. Какая прелесть! — удивлённо прошептала Ляля.

Десятиклассница Ляля Халидова, маленькая девушка с чёрными как смоль волосами и такими же чёрными, но очень ясными, чуть продолговатыми глазами, обладала особым даром видеть яркое и необычное в повседневном. Так было и сегодня. Школа, к которой Ляля давно, казалось бы, привыкла, непримечательное здание с заурядными на улице балконами, открылась ей в этот снежный с морозцем февральский день ошеломляюще по-новому. И хотя Ляля помнила, что ей надо спешить, что она уже немного запаздывает на репетицию, она не могла не остановиться. Закатное солнце переливалось в окнах и нежно розовело на кирпичных стенах школы таким струящимся жаром, что на миг это хорошо знакомое здание, в дымке косых лучей, представилось Ляле сказочным дворцом, высеченным из огромного драгоценного камня — джаухар.

— Какая прелесть!.. Нинди матур!.. Какая прелесть! — вперемежку то по-русски, то по-татарски повторяла девушка и вдруг, приподнявшись на носки, медленно кружась, как бы поплыла в воздухе.

Ляля Халидова заканчивала десятилетку, но по свойственной ей непосредственности чувств и живости манер (друзья недаром прозвали её «джиль-кызы» — дочь ветра) она, пожалуй, недалеко ушла от иной резвухи пятиклассницы.

Сильным рывком открыв тяжёлые двустворчатые двери и на ходу высвобождая одной рукой голову из платка-паутинки, а другой расстёгивая пальто, она заторопилась к раздевалке.

Уже в вестибюле Лялю охватил предпраздничный гул; он докатывался сюда из широких коридоров, напоминая

возбуждённое гудение пчелиного роя, отправляющегося в самостоятельную жизнь.

На лестнице Ляля нагнала женщину с толстой сумкой через плечо.

— Откуда телеграмма, апа? С фронта есть? — спросила Ляля с ноткой нетерпения.

— Есть, есть, милая, — сочувственно улыбнулась почтальонша.

Был канун двадцать третьего февраля 1940 года, и она знала, что, по давно заведённой традиции, школа ежегодно приурочивала ко Дню Красной Армии свой праздник с самостоятельным спектаклем, постановка которого, по той же неписаной традиции, возлагалась на лучший из выпускных, десятых, классов. На вечер обычно приглашались бывшие выпускники.

За последние дни телеграммы в школу шли из Москвы и Ленинграда, из Киева и Барановичей, из Одессы и Владивостока. Товарищи, лишённые возможности лично участвовать в празднике, просили извинить их и заверяли, что, где бы они ни находились, они с благодарным чувством вспомнят школу и своих учителей.

Хотя вечер был назначен на завтра, бывшие ученики — солидные люди, съехавшиеся из разных городов и районов, — уже сегодня заполняли школьные коридоры и залы с пальмами и разлапыми филодендронами и, на удивление младшим школьникам, ходили из класса в класс, перебрасываясь весёлыми, но малопонятными замечаниями, искали только им знакомые отметины на партах, подоконниках, на краях классных досок и на учительском столе, а найдя, показывали друг другу с видимым удовольствием. Иные замирали у окон, мечтательно глядя вдаль. Были и такие, которые присаживались за парты и сидели со смущённым видом, точно они не выучили урока, и тогда уже заразительно, неуёмно смеялись малыши.

С лестничной площадки Ляля крикнула кому-то на третьем этаже:

— Хаджар, наши все пришли?

— Ждём тебя и Галима, — послышался сверху певучий девичий голос.

Гости собрались в кружок. Директор школы Курбан-абы не то рассказывал, не то объяснял что-то с нарастаю-

щей горячностью. Замедлив шаг (теперь она могла не торопиться: ещё нет Галима Урманова, а без него не начнут репетиции — у Галима главная роль), Ляля прислушалась к неясно долетавшим до неё словам Курбана-абы, но уже по тому, как все поглядывали на окаймлённый красным и чёрным шёлком портрет, она поняла, что речь идёт об этом чернобровом, с узким лицом юноше, глядевшем со стены спокойно и решительно, — о прославленном Анваре Шакирове.

Ляля представила себе бой на Заозёрной, когда из строя вышли все товарищи Анвара и он остался в окопе, израненный, один против многих самураев, которые решили взять его обязательно живым. Но это было совсем не так просто, как думалось этим негодяям. Анвар не сдавался.

Теряя кровь, он всё стрелял и стрелял из своего пулемёта, стрелял, пока не кончились патроны. Что же теперь делать Анвару? Но он и тут нашёл выход. Всякий раз, когда Ляля слышит этот рассказ, ей трудно понять, как удавалось Анвару на лету перехватывать гранаты и бросать их обратно в японцев. «Боюсь, у меня не хватило бы ни ловкости, ни мужества», — старалась Ляля поставить себя на место Шакирова... Вот японцы с криками «банзай» окружают его. Как страшно!.. Но нет, борьба не кончена! У Анвара осталась последняя граната... Молниеносный бросок. Анвар погиб, но нашли свою смерть и самураи.

Ляля не однажды слышала этот рассказ, и каждый раз сердце её содрогалось с новой силой. Стоя перед портретом Анвара, она силилась прочесть тайну подвига в строгих чертах его лица. «Да, Анвар — человек исключительно сильной души. Но давно ли он сидел за такой же партией, как я, давно ли его обучали те же учителя, что и меня? Он дышал воздухом этих просторных коридоров и так же, как вон те малыши, бегал с красным галстуком на шее вокруг неизменно зелёных пальм».

И девушка проверяла себя без снисхождения, один на один со своей совестью, — если бы ей пришлось совершить такое, смогла бы она?.. «Честно говоря, не знаю, — думала Ляля, всё более проникаясь захватывающей душу мечтой о подвиге. — Но как хочется быть такой, как Анвар!..»

В последние дни школа жила подготовкой к традиционному празднику.

Подобрать пьесу для спектакля десятиклассникам было не так-то легко. В городской библиотеке ничего подходящего на татарском языке не оказалось. Старосте класса Ляле Халидовой сунули там кипу залежалых книжонок, где шла речь о чём угодно — о любви, о падчерицах, о цветах, даже о леших, но только не о настоящей жизни. Девушке стало обидно за потерянное время: «Возьмите обратно это старьё, нам с ним нечего делать», — и она вернула весь ворох немолодой библиотекарше, вспыхнувшей, будто от личного оскорбления.

Поиски пьесы затягивались. Когда времени оставалось уже в обрез, нечаянно, как это бывает в горячих спорах между очень молодыми и близкими по духу людьми, все сошлись на одной мысли: воплотить на сцене подвиг, подобный подвигу Анвара Шакирова, которого эти юноши и девушки считали своим ровесником, лишь более сильным и достойным, чем они.

Написать такую пьесу для школьного спектакля вызвался автор чуть ли не всех стихов классной стенгазеты Наиль Яруллин, кудрявый, рыжеватый и скуластый юноша в очках, за которыми поблёскивали живые, с насмешливой искоркой глаза. И действительно, он вырубил класс.

Пьеса в трёх действиях и пяти картинах под названием «Золотая Звезда» была написана им за неделю и, после перекрёстного «обстрела», принята, правда, не без некоторых дополнений и изменений, сделанных тут же сообща. На радостях автора чуть не закачали.

Всё шло хорошо, пока в город не приехал мастер по шахматам. Он давал в Казани сеанс одновременной игры. Едва заканчивались уроки, Галим Урманов, лучший спортсмен школы и заядлый шахматист, мчался то во Дворец культуры, то в Дом учёных, то в заводской клуб. Он ухитрялся играть почти всюду, где выступал мастер. Остальное делал второпях, лишь бы отделаться. Как раз в эти кипучие дни на Галима Урманова и возложили двойную задачу: сыграть одну из главных ролей в школьной постановке и подготовить, как лучшему спортсмену школы, к общегородским соревнованиям в честь

двадцать второй годовщины Красной Армии команду из восьми человек.

Близился день соревнований, а Галим ещё не приступал всерьёз к занятиям с командой. Секретарь комсомольского комитета предупредил Урманова, что если он по-настоящему не возьмётся за работу, команда может провалиться. Галим кое-как провёл несколько тренировок, но все видели, что душа его не здесь. На поверочных занятиях носилки складывались медленно, надевание противогазов отнимало времени больше положенного, с тушением зажигательных бомб дело обстояло ещё хуже. Комитет снял Галима Урманова и назначил капитаном команды комсорга десятого класса Хафиза Гайнуллина.

Галим тяжело перенёс обиду, однако в соревнованиях участвовал, и его личные показатели были лучше, чем у остальных. Ему простили прежнюю нерадивость.

Но когда Галим Урманов, не явившись на репетицию, поставил под угрозу спектакль, взбудоражился весь класс.

— Возмутительно! Мы ждём Урманова, волнуемся, а он разыгрывает очередную партию, — даже не успев закрыть за собой дверь, поторопился сообщить посланный на розыски Галима вихрастый юноша.

Ляля, вот уже целых три часа вместе со всеми ожидавшая Урманова, даже привскочила.

— Неужели он не знал, что сегодня генеральная репетиция?

Тонкая девушка с жидкими светлыми волосами, не поднимая головы от пожелтевших страниц истрёпанного романа без начала и конца, съязвила:

— Нужен ему наш спектакль! Он собирается стать чемпионом мира, победить Алёхина!

Даже обычно спокойный Наиль и тот не выдержал: меряя паркет не по росту большими шагами и беспрестанно поправляя очки, он негромко повторял:

— Стыд и позор! Стыд и позор! Как взглянем в глаза товарищам? Ведь если провалим спектакль, это ляжет пятном не только на нас — на всю школу...

Больше других, несмотря на внешнюю сдержанность, волновалась Мунира Ильдарская. У неё тоже была одна из главных ролей.